

Как отказ от идей нацизма в массовой культуре послевоенной Германии запустил процесс «самоочищения» немецкого общества

Надпись «Достоинство человека неприкосновенно», установленная по инициативе прокурора Фрица Бауэра на фасаде здания Земельного суда во Франкфурте-на-Майне. Фото Dontworry/CC BY-SA 3.0/Wikimedia.org

«Спектр» продолжает цикл публикаций, посвященных истории покаяния немцев за преступления нацистского режима и Второй мировой войны. Современная Германия — демократическая страна, полностью интегрированная в европейское сообщество. Любые проявления ксенофобии отторгаются не только властями, путем издания соответствующих законов, но и, что гораздо важнее, самими немцами. Как же удалось превратить родину гитлеровской диктатуры в гуманистическое государство?

Остальные материалы об основном и о малых Нюрнбергских процессах и о том, как проходила денацификация в других зонах оккупации Германии, читайте [здесь](#).

«Не все так однозначно»

Немалую роль в этом процессе сыграло преодоление нацизма в немецкой массовой культуре. И, как следствие, в сознании самих немцев.

Юридическая денацификация второй половины 1940-х годов не привела к полному излечению немецкого общества. Сказывался, своего рода, «синдром соучастника». Ведь признание ужасов нацизма логичным образом вело к тому, что практически каждый немец чувствовал себя подельником Адольфа Гитлера. Хотя бы, потому что послушно жил при этом чудовищном режиме. А кому нравится все время чувствовать себя преступником? Люди, в лучшем случае, старались об этом не думать. В худшем: на словах осуждая Гитлера, они втихомолку шептали, что «не все так однозначно».

Послевоенная Германия, формально осудив нацизм, тут же постаралась «перевернуть» эту неприглядную страницу своей истории. Медленному процессу «внутренней денацификации» (денацификации сознания) способствовало явно враждебное отношение к немцам со стороны представителей других стран. Особенно тех, что пережили нацистскую оккупацию. Немцев за рубежом сплошь и рядом оскорбляли, в них плевали и демонстрировали явную неприязнь. И все потому, что гражданам Германии довелось жить при власти Гитлера.

Всеобщая травля, «культура отмены» в отношении всего немецкого — лишь побуждала немцев замыкаться в себе, упорствовать в своих заблуждениях, отказываться от честного анализа недавнего прошлого. О виновности — вольной или невольной — всего немецкого общества вопрос открыто даже не ставился. В немецкой политической культуре первых двух послевоенных десятилетий все было принято списывать на «бесноватого фюрера» и его подручных. А раз самого Гитлера и его самых видных приспешников уже нет в живых — то, как говорится, «на нет и суда нет».

Ситуация стала серьезно меняться в середине 1960-х годов. К тому времени выросло другое поколение немцев. Тех, кто родился в последние годы существования гитлеровского режима — или после него. Это молодая генерация уже в силу возраста никак не могла ощущать себя пособником нацистов. Именно эта молодежь и провела самую главную денацификацию — денацификацию сознания.

«Государство СС»

«Первой ласточкой» грядущего изменения общества стала публикация в 1958 году дневника Анны Франк. Он был напечатан рекордным для тогдашней Германии тиражом — 700 000 экземпляров. Книга была полностью распродана в короткий срок.

Успех был неожиданным, но, на самом деле, вполне объяснимым. Юные немцы увидели, что такое нацизм глазами своей сверстницы (14-летней девочки). После этого «лицемерие взрослых» стало казаться возмутительным.

Поистине ключевым событием в деле денацификации немецкого общества стал Франкфуртский процесс 1963–1965 годов. Перед судом тогда предстали 22 нацистских преступника — палачи из лагеря смерти Аушвиц (Освенцим). Но дело было не только в уголовном преследовании злодеев. Оно, к слову сказать, отличалось уже традиционной мягкостью. Только шесть обвиняемых были приговорены к пожизненному заключению, остальные получили различные (от 3 до 14 лет) сроки лишения свободы, трое были оправданы. Однако Франкфуртский процесс стал определенной вехой, после которого отношение к нацистскому прошлому изменилось кардинальным образом.

В ходе этого процесса впервые сами немцы (в лице судей, СМИ, лидеров общественного мнения) прямо и четко поставили вопрос о вине всего немецкого общества в происшедшей трагедии.

Суд над 22 бывшими охранниками концентрационного лагеря Освенцим во Франкфурте-на-Майне. 3 апреля 1964 года. Фото Heinz-Jürgen Göttert/dpa

Франкфуртский процесс разрушил многолетний «заговор молчания». Плоти́на была прорвана — и на немецкое общество хлынул целый поток книг, статей, кинофильмов, театральных постановок, телепередач. Все они были посвящены оценке нацистского прошлого — и безоговорочного дистанцирования от него.

Была переиздана (тиражом в 500 000 экземпляров) написанная еще в 1946 году книга антифашиста Ойгена Когона «Государство СС». По структуре, по духу и даже по названию она сильно напоминает «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. Можно предположить, что русский писатель отчасти ориентировался на эту немецкую книгу. Эффект в Германии от «Государства СС» был примерно таким же, как в СССР — от «Архипелага ГУЛАГ».

Вагнер не виноват?

Осенью 1965 года в ФРГ состоялась премьера пьесы Петера Вайсса «Расследование». Она была навеяна недавним Франкфуртским процессом и имела грандиозный успех. Примерно тогда же появился труд психоаналитиков, супругов Александра и Маргариты Митчерлинк, под многозначительным названием «Неспособность скорбеть». Именно таков, по мнению авторов, был диагноз послевоенного немецкого общества.

«Молодежная революция» 1968 года, захлестнувшая (в числе прочих) и Германию, окончательно изменила страну. Молодые немцы требовали от своей страны — от органов власти, от простых жителей — полного и безусловного покаяния за преступления тоталитарного режима. В левых кругах Германии даже жестокие, сопровождавшиеся многочисленными жертвами депортации немцев после 1945 года считали справедливым возмездием. Тот, кто пытался напомнить о страданиях беженцев, — получал клеймо «реваншиста».

Полное покаяние и признание вины — без уверток, без недомолвок, без всяких «но» — единственное средство для построения новой, свободной страны. Так считала молодежь Германии. И эта позиция нашла отклик на самом высшем уровне. Канцлер Вилли Брандт стал первым германским руководителем, который отказался от игры «в кошки-мышки» с историческим прошлым. В 1970 году в Варшаве он преклонил колени перед памятником жертвам Варшавского восстания. С тех пор покаяние было возведено в ранг национальной политики.

7 декабря 1970 года канцлер Вилли Брандт опустился на колени перед мемориалом в бывшем еврейском гетто в Варшаве, посвященном героям восстания в гетто в апреле 1943 года. Фото picture alliance/dpa

Безусловное отрицание нацизма в немецком обществе стало своего рода «символом веры» — моральным критерием, по которому оценивались дискурсы любого рода: политические, моральные, эстетические. Кинематографисты других стран могли позволить себе определенные вольности. Лукино Висконти в «Гибели богов» (1969) или Лилиана Кавани

в «Ночном портье» (1973) изображали нацистов в виде этаких «порочных эстетов». Злодеев, но с примесью декадентской привлекательности.

Немецкие кинематографисты (да и вообще — деятели культуры) таких трактовок не признавали. Нацизм для них был абсолютным злом. А его господство — страшной драмой немецкой истории.

Самоцензура общества доходила до того, что многие немцы бойкотировали концерты, на которых исполнялись произведения Вагнера. Ведь это был любимый композитор Гитлера! Тот факт, что маэстро умер еще до рождения фюрера, не смущал активистов. Все, к чему прикасалась печать нацизма — предавалось общественному проклятию.

РАСПЛАТА ЗА НАЦИЗМ

Граждане Германии заплатили в качестве репараций и компенсаций колоссальные суммы

81 967 000 000

евро составила сумма всех компенсационных выплат из немецкого госсектора на конец 2022 года *

10 000 000 000

долларов составила оценочная стоимость немецких патентов, присвоенных союзниками

74 000 000 000

евро к 2018 году правительство Германии выплатило государству Израиль и жертвам Холокоста

После мая 1945 года и до 1948 союзники уничтожили в своих зонах оккупации сотни промышленных производств.

Под давлением Москвы от репараций отказались правительства ряда стран, оказавшихся в зоне советского влияния.

Формально СССР отказался от репараций. Но с территории Советской зоны оккупации в невероятных масштабах вывозилось в СССР всё ценное. В частности:

400 000 железнодорожных вагонов и паровозов были отправлены на восток

2885 заводов были демонтированы, а станки и оборудование отправлены в СССР

96 электростанций были разобраны, после чего турбины и прочее оборудование вывезли в СССР

* Без учёта выплат Израилю и жертвам Холокоста

СПЕКТР

Независимый Online-Журнал

Большой резонанс в Германии получили иностранные фильмы: американский сериал «Холокост» (1978), французский фильм «Шоа» (1985), знаменитый «Список Шиндлера» (1993).

В 1994 году в немецком переводе вышла книга американского историка Даниэля Гольдхагена «Добровольные помощники Гитлера». Она была посвящена простым немцам, которые, по мнению автора, одним фактом своего непротивления злодейскому режиму, по сути, помогали Гитлеру. Книга вызвала широкую дискуссию. Что само по себе говорит о зрелости и здоровье общества. Никто не подумал запрещать «неудобную книгу». Ее открыто и гласно обсуждали. Лучшее свидетельство прочности демократических институтов!

Также широко обсуждался проект памятника жертвам Холокоста в центре Берлина. Идея сооружения подобного монумента появилась еще с конца 1980-х годов. Но строительство началось лишь в 2001 году (и было закончено в 2005 году). Мемориал представляет собой огромное поле, на котором установлено более 2700 серых тумб, напоминающих гробы.

В итоге, именно полное признание немецким обществом своей ответственности за произошедшее, искреннее и всеобъемлющее покаяние за преступления — превратили Германию в успешное демократическое государство. Результат, достигнутый в короткие по историческим меркам сроки, впечатлил даже победителей в войне. В США, Британии, других странах Европы возникло даже понятие — «учиться у немцев». Теперь всякий раз, когда заходит речь о покаянии за те или иные преступления на расовой, религиозной, гендерной почве, — всегда приводят в качестве эталона немецкий пример.

Действительно, послевоенная Германия продемонстрировала такой уровень оздоровления целой нации, что у нее есть чему поучиться. Поучиться тем странам и народам, которым довелось оказаться в тисках авторитарного или тоталитарного режимов. И чем полнее будет проведен процесс «самоочищения» общества — тем более успешными будут перспективы такого общества.